

Путешествия

Темп, заданный с самого начала жизни на Западе, не снижался до самого конца. Вероятно, никто из русских писателей не путешествовал по свету так много, как Бродский. Возможно, среди его современников Евтушенко и Вознесенский посетили больше стран и городов, но поездки советских поэтов за рубеж – с оглядкой на полицейский режим, к которому предстоит возвращаться, с необходимостью зарабатывать и покупать вещи, которых не купишь дома, – совсем не то, что свободное передвижение из страны в страну человека частного, свободно владеющего английским и не слишком стесненного в средствах. С выступлениями Бродский исколесил североамериканский континент от Канады до полуострова Юкатан в Мексике. Он подолгу жил, обзаводясь кругом друзей (действительно друзей, а не просто «знакомых иностранцев»), в Лондоне, Париже, Амстердаме, Стокгольме, Венеции, Риме. Он не любил туристического целеустремленного ознакомления с достопримечательностями, но обладал способностью обживать новые города – знал в них скрытые шедевры архитектуры и просто уютные уголки, рестораны в стороне от туристских троп в боковых улочках, куда ходит только местная публика, читал местную прессу, увлеченно обсуждал городские сплетни. Его «Набережная неисцелимых» («Watermark») русскими или американскими читателями читается как поэтический текст *par excellence* («кристалл, грани которого отражают всю жизнь, с изгнанием и нездоровьем, поблескивающими по краям тех поверхностей, чье прямое сверкание есть красота в чистом

виде»⁴¹⁰), но в самой Венеции тот же текст был прочитан многими как выпад и против местного мэра-левака, и против местных финансовых воротил, не говоря уже о тех, кто обиделся на автора за свое изображение в «Набережной неисцелимых»⁴¹¹.

В этом отличие итальянских, британских, шведских, голландских и, конечно, американских сюжетов в стихах Бродского от большинства русских поэтических травелогов (путевых заметок). Лирический герой стихотворений «В озерном краю», «Осенний вечер в скромном городке...», цикла «Часть речи», «Колыбельной Трескового мыса», «Темзы в Челси», «Римских элегий», «Сан-Пьетро», «Пьяцца Маттеи», «На виа Джулия», «На виа Фунари», «Пристань Фагердала» не проскальзывает сквозь чужие города как турист, но живет в них⁴¹². Он эмигрант, переселенец, «перемещенное лицо», а если учесть пестроту этой географии, то космополит, гражданин мира. Ближе к традиционным поэтическим травелогам у Бродского литовский и мексиканский «дивертисменты», первое венецианское стихотворение «Лагуна», «Декабрь во Флоренции» и некоторые другие. Поэтический пейзаж может представлять в стихотворении Бродского как привычный, давным-давно знакомый (американский в «Августе», итальянский в «Сан-Пьетро» и «На виа Фунари») или как экзотический («Мексиканский дивертисмент»), но, независимо от степени обжитости, автор неизменно сохраняет некую степень отчуждения от него.

Как уже говорилось выше, этот лирический герой словно бы дорожит отчужденностью от любого социума, экзистенциальным неуютом. Это постоянная позиция субъекта лирики Бродского, тогда как автор («я») его прозы значительно отзывчивее на впечатления от новых мест. Божена Шелкросс в интересной книге о трех поэтах – Бродском и двух поляках, Збигневе Херберте и Адаме Загаевском, – показывает, как в путевых очерках каждого из них обязательно описывается момент духовного потрясения, озарения (*epiphany*), когда автор, брошенный в чужую среду, неожиданно сталкивается с эстетическим объектом необычайной красоты и загадочности⁴¹³. Для Загаевского это «Урок музыки» Вермеера в нью-йоркском музее Фрика, для Херберта – «Натюрморт с уздечкой» Торрентиуса в Амстердаме, для Бродского – вся Венеция. Мистический момент наступает в конце «Набережной неисцелимых», когда в окне ночного кафе автор видит веселую компанию любимых поэтов, которых на самом деле давно уже нет в живых.

Надо отметить и то, *чего нет* (почти нет) в географии Бродского. Там есть Москва, русская деревня, Литва и отчасти остальная Прибалтика, Украина, Крым, Сибирь, Средняя Азия, едва ли не все места, где автор побывал в Северной и Центральной Америке и Европе, а также те, что он посетил только в воображении – Китай («Письма династии Минь», У),

410 Из рецензии Джона Апдайка (*The New Yorker*, 13 July 1992. P. 85).

411 См., например, интервью с Марией Дориа ди Дзулиани, фигурирующей в начале «Набережной неисцелимых». В ее недоброжелательных воспоминаниях о Бродском содержится и явная ложь, что-де когда Бродский эмигрировал в 1972 г. она «помогла ему ждать решения своей участи (то есть разрешения ехать в Америку. – Л. Л.) не в Вене, а в Венеции» (*Общая газета*. 2002. 3 апр. С. 16). На самом деле в Венецию Бродский впервые приехал на Рождество 1972 г., уже прожив полгода в США. Недоволен своим изображением в «Набережной неисцелимых» был, как нам рассказывали, и известный в городе чудака-аристократ, владелец старинного палаццо (21-я глава; деление на главы в русском переводе Г. Дашевского не вполне соответствует английскому оригиналу; этот в целом качественный перевод не свободен от досадных ошибок).

412 Финская исследовательница творчества Бродского Сана Турома в статье «Поэт как одинокий турист: Бродский, Венеция и путевые заметки» (*Турома 2004*) поднимает несколько надуманную проблему: изгнанник или турист – герой травелогов Бродского? Автор обнаруживает большую начитанность в области истории, социологии и семиотики туризма, но приходит к банальному выводу: Бродский – турист, поскольку посещает места, привлекательные для туристов, в первую очередь Венецию, и в Венеции его интересуют в первую очередь классическая архитектура и живопись. Последнее неверно. Самое интимное в отношении Бродского к Венеции – любовь к ее непарадной стороне: к Венеции вне сезона, к жилому району Сан-Пьетро и вообще к собственному быту в этом городе, а не к осмотру достопримечательностей.

413 *Shallcross 2002*.

Афганистан («Стихи о зимней кампании 1980 года», У, и «К переговорам в Кабуле», ПСН), Океания («Робинзонада», ПСН), — но там сравнительно мало представлен его родной город и совсем мало Нью-Йорк, ставший для него домом во вторую половину жизни. Среди стихов зрелого Бродского, то есть начиная с книги «Остановка в пустыне», всего в четырех реалии Ленинграда играют существенную роль: «От окраины к центру» (ОВП), цикл «С февраля по апрель» (КПЭ), «Похороны Бобо» (ЧР) и «Полдень в комнате» (У)⁴¹⁴. Нью-Йорк появляется только в двух стихотворениях — «Над Восточной рекой» и «Жизнь в рассеянном свете» (оба в У). Томас Венцлова вспоминает: «Помню, мы однажды подъезжали к Манхэттену, и он сказал: „Это невозможно описать — не найти приема“»⁴¹⁵.

Объясняя, почему у него нет стихов о Нью-Йорке, Бродский начинает с родного города. Зачем писать стихи о Петербурге, если этот город имплицитно присутствует во всем, что ты пишешь? «Если уж говорить серьезно, петербургский пейзаж классицистичен настолько, что становится как бы адекватным психическому состоянию человека, его психологическим реакциям. То есть, по крайней мере, автору его реакция может казаться адекватной. Это какой-то ритм, вполне осознаваемый. Даже, может быть, естественный биологический ритм». Природные краски, свет и тени, архитектурные ритмы родного города интегрированы в психику петербуржца и неизбежно определяют самую ткань его стиха, а «то, что творится здесь (в Нью-Йорке. — Л. Л.), находится как бы в другом измерении. И освоить это психологически, то есть превратить это в твой собственный внутренний ритм, я думаю, просто невозможно. По крайней мере, невозможно для меня»⁴¹⁶. Несколько раньше в том же интервью, сравнивая Нью-Йорк с Петербургом, он говорит: «Тут колоннаду поди найди».